

УДК: 561:551.77

Т.В. Кезина

## ТРОПИНКАМИ СУДЬБЫ

Отмечая юбилейные даты после 50 лет, мысленно подводишь какие-то жизненные итоги: что сделано, а что еще только предстоит сделать, особенно если твоя жизнь связана с наукой. Ты проводил исследования, обосновывал свои научные данные, писал статьи, защищал диссертации, выезжал на конференции и симпозиумы, испытывал радость и огорчения, общаясь с коллегами. Достигнув определенного рубежа на жизненном пути, хочется не растерять того, что приобрел, того, чего добился, и постараться сделать то, что задумано.

Все чаще с течением времени вспоминаю о людях, которые стояли рядом со мной, словом и делом приходили на помощь, показывали пример трудолюбия, честности и порядочности в служении делу и в человеческих взаимоотношениях. В первую очередь это моя бабушка – Мария Максимовна Писеева, мой отец Владимир Алексеевич Черкасов и мама – Антонина Федоровна, пережившие страшную войну, потерявшие многих близких, простые и скромные люди (сельский доктор и учительница), с небольшим достатком, но вырастившие четверых детей и давшие им хорошее образование.

\*\*\*

...Первые мои шаги в палинологию определили открытие в Благовещенске, на базе Амурской группы лабораторий (где я работала с августа 1978 года), Амурского комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН и перевод в лабораторию палеогеографии, которой руководил кандидат геолого-минералогических наук А.Г. Аблаев. Он занимался палеоботаникой и стратиграфией, палинология здесь была очень кстати.

Я закончила инженерно-физический факультет Дальневосточного государственного университета в 1978 году. Наша кафедра геоморфологии и палеогеографии находилась под патронатом Института географии ДВНЦ АН СССР и лично Андрея Петровича Капицы. В то время (1973-1978) он был директором Тихоокеанского института географии, а во Владивостоке находилось много специалистов из Москвы и Ленинграда, так как на Дальнем Востоке, частности в Приморье, активно велись работы по геологическому картированию, поискам полезных ископаемых и разноплановые геологические исследования, строился академгородок и открывались научно-исследовательские институты.

В нашей группе было 11 студентов, но вели у нас занятия доктора и кандидаты наук, работавшие над докторскими диссертациями, из ТИГа, ДВГИ, специалисты геологического управления: доктор геолого-минералогических наук, профессор Вера Васильевна Никольская, доктор геолого-минералогических наук, профессор Николай Петрович Васильковский, доктор технических наук, профессор Юрий Борисович Шауб, доктор географических наук Борис Иванович Втюрин, доктор географических наук Юрий Георгиевич Пузаченко, кандидат геолого-минералогических наук Борис Леонидович Залищак, кандидат геолого-минералогических наук Геннадий Петрович Скрыльник, кандидат географических наук Иван Иванович Крылов, кандидат геолого-минералогических наук Алексей Михайлович Короткий, кандидат географических наук Емельян Иванович Арчиков, кандидат геолого-минералогических наук Нина Михайловна Органова и многие другие, вскоре ставшие докторами наук и известными учеными.

Мы, студенты, были вхожи в кабинеты и лаборатории институтов, с нами проводили учебные занятия на институтском лабораторном оборудовании, так как на молодой кафедре, кроме помещений и бумажных учебных пособий, мало что было. Компенсируя такой пробел (благодаря А.П. Капи-

це и нашим неутомимым университетским преподавателям Т.П. Бутылиной, Е.И. Арчикову), нам предоставляли широкие возможности познания практических сторон нашей будущей профессии.

После первого курса проводилась практика в поселке Рудная Пристань Дальнегорского района, а руководил практикой доктор геолого-минералогических наук, профессор, известнейший геоморфолог Алексей Иванович Спиридонов, приглашенный специально для нас из МГУ им. Ломоносова. Жили мы на берегу озера Зеркальное, рядом была научная база «Смычка», принадлежавшая ТИГУ, а в 800 метрах – берег открытого моря!

За четыре недели мы на «вахтовке» объехали весь Дальнегорский район. Посмотрели все береговые формы рельефа, пещеры, музеи горнодобывающих предприятий поселка Ковалерово, поднимались на вершины горных хребтов, спускались в шахты на глубину 800 метров, осматривали карьеры. Занятия с нами проводили геологи предприятий. Мы не упускали момента и всюду отбирали для кафедры и для себя коллекции минералов, руд, ископаемой фауны и флоры. Сегодня о такой практике для своих студентов АмГУ я могу только мечтать.

Последующие наши практики – на Чукотке, Камчатке, Сахалине, на Нижнем Амуре – были не менее интересны и проходили под руководством производственников или научных сотрудников ТИ-Га и ДВГИ. Именно тем, что я увидела на практиках, был обусловлен мой дальнейший интерес к палеонтологии и стратиграфии.

Заканчивая университет, мы мечтали работать в геологических партиях на Чукотке или в Приморье и заниматься геоморфологическим картированием. Но выбрать место работы по собственному желанию мы не могли: в то время существовала система распределения выпускников.

Всю нашу группу распределили по научно-исследовательским лабораториям ДВНЦ, объясняя, что специалисты геоморфологи там нужнее, работа интересней, но и полевые работы у нас будут. Я приехала в Благовещенск с надеждой, что скоро снова вернусь к своим друзьям во Владивосток. Однако судьба распорядилась иначе, и вот уже более 38 лет я живу и работаю в Благовещенске, и в моей трудовой книжке всего три записи о трудоустройстве: АКГРЭ (в период производственной практики), АмурКНИИ и АмГУ.

В 1980 году, находясь в декретном отпуске, я прошла стажировку в палинологической лаборатории Приморского геологического управления по обработке проб для целей пыльцевого анализа и методам его проведения. В марте следующего года я приступила к работе. Было интересно, хотя много времени отнимали вопросы оснащения и налаживания работы лаборатории, добытия химических реактивов, многочисленные (по прихоти руководителей разного ранга) переселения, работа на строительстве корпуса АмурКНИИ, работа с химией (с нарушением всяких норм техники безопасности – для лаборатории требовались два отдельных кабинета, а у нас всё было в одном месте – и обработка и анализ), сложные 90-е, когда приходилось заниматься тем, чем занимался институт (сбор и электролиз фиксажей, отбор крупнообъемных проб из отходов переработки старательских артелей и др.). Но тем не менее мне всегда удавалось найти возможность заниматься палинологией.

В 1991 году я закончила заочную аспирантуру при биолого-почвенном институте ДВО РАН (руководитель – доктор геолого-минералогических наук В.А.Красилов). В 1992 году защитила кандидатскую диссертацию при докторском диссертационном совете ГИН РАН (Москва) на тему «Палиностратиграфия кайнозойских отложений приразломных впадин Верхнего Приамурья».

Несмотря на то, что за шесть лет мной были опробованы разрезы угольных месторождений Зейско-Буреинского бассейна, в основу кандидатской диссертации (по совету Н.Б. Верховской, палинолога БПИ) были положены научно-исследовательские и хозяйственные работы по палинологическому изучению кайнозойских отложений приразломных впадин Верхнего Приамурья, проведенные в составе лаборатории палеогеографии АмурКНИИ. Эти исследования позволили включить в унифицированную стратиграфическую схему Дальнего Востока схемы стратиграфического расчленения

кайнозойских отложений приразломных впадин Верхнего Приамурья: Пиканской, Урканской и Уруша-Ольдойской, ставшие важным связующим звеном между схемами Амурского региона и Забайкалья.

С конца 90-х я с большим интересом и с полной самоотдачей участвовала в работах, проводимых на территории Приамурья палеоботаниками ГИН РАН, возглавляемых М.А. Ахметьевым, сначала по программе «Палеоген России», а позже – по совместному российско-китайскому проекту «Граница мела и палеогена в бассейне р. Амур» (руководители – профессор М.А. Ахметьев и профессор Сун Ге из КНР). В августе 2003 года была осуществлена необходимая подготовка по проведению в Благовещенске международного симпозиума и полевые работы по Амурской области, приуроченные к симпозиуму.

В рамках проектов под руководством М.А. Ахметьева мной были изучены типовые разрезы Архаро-Богучанского, Ерковецкого и Райчихинского бурогольных месторождений (включая участки «Прогресс» и «Пионер»), флороносных слоев, выделяемых в верхней части разреза «Белая Гора», и проведена корреляция разрезов на основе биостратиграфических данных. Позднее эта работа позволила провести ревизию палинологических данных по бурогольным месторождениям Амурского бассейна – Сергеевскому, Свободному и Тыгдинскому.

Работа в коллективе стратиграфов и палеоботаников стала хорошей школой общения с иностранными коллегами, дала опыт выступлений на симпозиумах и привела к тому, что в 2007 году под руководством доктора геолого-минералогических наук, профессора М.А. Ахметьева в геологическом институте УРО РАН Сыктывкара я защитила докторскую диссертацию на тему «Палиностратиграфия угленосных отложений позднего маастрихта и кайнозоя Верхнего Приамурья».

С начала 2005 года и по настоящее время я работаю в Амурском государственном университете на кафедре «Геология и природопользование». В списке работ у меня более 70 публикаций в российских и зарубежных журналах, три авторские монографии и ряд учебно-методических пособий для студентов кафедры. К большому моему сожалению, заведование кафедрой (более 7 лет) и масса проблем, которые приходилось решать наряду с учебной нагрузкой, не позволяли полностью погрузиться в свою любимую работу...

Жаль, что когда ты научился ценить время, оно уходит так быстро. Но я благодарна судьбе за то, что она предоставила мне возможность выбрать замечательную профессию, неоднократно встречаться и общаться с интересными людьми, ведущими палинологами и палеоботаниками нашей страны: доктором геолого-минералогических наук Е.Д. Заклинской, доктором геолого-минералогических наук Л.В. Ровниной, доктором геолого-минералогических наук А.Ф. Хлоновой, доктором геолого-минералогических наук М.В. Ошурковой, кандидатом геолого-минералогических наук Г.М. Братцевой, кандидатом геолого-минералогических наук О.П. Ярошенко, доктором биологических наук Н.Р. Мейер-Меликян, доктором геолого-минералогических наук Н.С. Болиховской, доктором биологических наук П.И. Токаревым, палеоботаниками: доктором геолого-минералогических наук М.А. Ахметьевым, доктором геолого-минералогических наук В.А. Красиловым, доктором геолого-минералогических наук М.П. Долуденко, доктором геолого-минералогических наук А.Б. Германом, доктором геолого-минералогических наук С.В. Наугольных, кандидатом геолого-минералогических наук Т.М. Кодрул и многими другими.

Елена Дмитриевна Заклинская (1910 – 1989) – одна из тех, кто стоял у истоков фундаментальной и прикладной палеопалинологии в нашей стране, кто сыграл выдающуюся роль в создании ее теоретических основ и практического использования.

В палинологию Елена Дмитриевна пришла в начале 1930-х из практической геологии. Ее учителями были известные болотоведы, пионеры спорово-пыльцевого анализа в СССР М.И. Нейштадт

(1903–1985) и С.Н. Тюремнов (1905–1971), работавшие тогда в научно-исследовательском торфяном институте в Москве. Много было сделано в содружестве с В.П. Гричуком. Став в 1930 году организатором и руководителем лаборатории спорово-пыльцевого анализа в Институте геологических наук АН СССР (ныне – ГИН РАН), Елена Дмитриевна всегда отстаивала самостоятельность этого научного направления, многое сделала для развития палинологии в СССР. Под ее руководством возникла московская палинологическая школа, воспитавшая много талантливых специалистов. При ее участии была создана первая палинологическая лаборатория в Пекине, за что она была награждена орденом КНР, а ее китайские ученицы хранят о ней светлую память. Ею была создана и выведена на международную арену Палинологическая комиссия СССР.

Значителен вклад Е.Д. Заклинской в науку. Спорово-пыльцевой анализ кайнозойских отложений позволил ей обосновать детальное расчленение пограничных слоев мела и палеогена Западной Сибири и Дальнего Востока. Для решения проблемы сопоставления континентальных и морских образований методами палинологии ею было организовано изучение спор и пыльцы, захороненных в океанических осадках, и заложено новое направление — маринопалинология. Работы Е.В. Кореневой, ученицы Е.Д. Заклинской, получили широкое признание и нашли применение в реализации международного проекта глубоководного бурения дна океанов.

Палинологические данные позволили решать вопросы по истории растительности как составной части эволюционного преобразования органического мира. Благодаря этому палеопалинология заняла место в одном ряду с другими биостратиграфическими методами.

Важным моментом палеопалинологии стало использование спорово-пыльцевого комплекса без требования обязательной привязи его к тем или иным известным ископаемым растениям. Это существенно облегчило решение многих стратиграфических задач.

Е.Д. Заклинская сама отбирала материал для изучения в различных районах страны (Казахстан, Нижняя Волга, Камчатка, Амурская область и др.), участвовала в экспедиции на научно-исследовательском судне «Витязь», в международных конференциях и симпозиумах. Она всячески поддерживала палинологов. В 70-80-е годы Елена Дмитриевна была вице-президентом Международной палинологической комиссии, председателем Палинологического комитета СССР.

За годы научной работы ею опубликовано более 150 научных работ, в том числе 7 монографий.

При воспоминании о Е.Д. Заклинской я живо вижу худенькую, щупленькую женщину со взбитыми каштановыми волосами, неременной чашкой кофе и сигаретой в руках. Впервые я встретила ее в 1984 году на палинологической конференции в Красновидово, куда из Москвы надо было добираться электричкой. На перроне недалеко от меня стояла группа женщин, оживленно обсуждавших что-то. И среди них – энергичная женщина в светло-коричневой пятнистой шубке и темных очках. Меня удивило ее обращение к собеседницам: «Гретик, Олечка, Лидочка». Как выяснилось позднее, на перроне беседовали Елена Дмитриевна Заклинская, Грета Михайловна Братцева, Ольга Павловна Ярошенко и Лидия Васильевна Ровнина.

Мы провели в Красновидово три или четыре дня. Время пролетело стремительно.

К прощальному ужину выпустили стенгазету в стихах и написали такие строки: «А Заклинская – фельдмаршал, наш Кутузов боевой, Через флеш и редуты всех ведет нас за собой». Были стихи и про других участников конференции, но я их не запомнила, а эти врезались в память на всю жизнь. И правда: кроме всего прочего, Е.Д. Заклинская помогла многим попасть на эту конференцию.

Вторая моя встреча с Еленой Дмитриевной состоялась года через три. По совету В.А. Красилова, руководителя кандидатской диссертации, я обратилась к Е.Д. Заклинской с просьбой позволить мне познакомиться с работами зарубежных палинологов: в нашей стране трудно было найти такую литературу, а у Елены Дмитриевны за годы работы собралась большая библиотека.

Мы договорились о встрече часов на десять утра. Встретив меня в прихожей, Елена Дмитриевна показала мне свою квартиру, по которой можно было ходить кругами, стол, за которым я могу работать, и самодельный стеллаж у стены, где находились интересующие меня книги, а потом пригласила выпить с ней кофе, сказав, что еще не завтракала. Завтрак ее ограничился чашкой кофе и сигаретой. Я пыталась убедить ее, что надо бы что-то поесть, но она ответила, что ей некогда. Собрала рукопись какой-то работы и ушла в ИГиРГИ. Возвращалась домой она довольно поздно, и мне приходилось ключ от квартиры отдавать консьержке.

В последующие пять дней я пыталась чем-то ее угостить. Приносила фрукты, овощи, пирожки. Но уговорить Е.Д. Заклинскую это попробовать, стоило большого труда. Неизменными оставались кофе и сигарета. Хотя, по воспоминаниям коллег, раньше она очень любила готовить.

В последний день моей работы, вечером, у нас состоялся самый длинный и душевный разговор обо всем. Из ее рассказов стало понятно, насколько нелегкой была ее жизнь. Она рассказала, как с двумя детьми поехала за мужем в ссылку, как сложно было в конце 30-х годов в Академии наук, как она отстаивала своих учеников, как трудно возвращались к мирной жизни в сороковые. Она не жаловалась, ни о ком не сказала худого слова, просто рассказывала. Помню, что несколько раз повторила: «...сами не ходят на работу... А я еще своими ногами хожу в институт...». Сопоставив сроки и факты, я теперь понимаю, что для человека, который не мыслил себя без любимой работы, осень 1988 года была «черной», а слова «сами не ходят» относились к директору института академику А.В. Пейве, который был уже болен, и на работу его привозили. Однако не А.В. Пейве был причиной отстранения Е.Д. Заклинской от заведования лабораторией, которой было уже далеко за 70, а распоряжение Президиума АН СССР об ограничении возраста для руководящих кадров Академии наук.

Обаятельная женщина, прожившая нелегкую трудовую жизнь, Елена Дмитриевна обладала внутренним достоинством, не раболепствовала перед авторитетами, была требовательна и к себе, и к подчиненным. Увлеченность профессией, трудолюбие, упорство, человечность и доброжелательность – вот ее главные качества, пронесенные через всю жизнь.

После ухода Е.Д. Заклинской (10 октября 1989 года) председателем Палинологической комиссии и «мамой» всех палинологов Российской Федерации стала Лидия Васильевна Ровнина. Выпускница биолого-почвенного факультета Саратовского государственного университета, она сначала преподавала в школах, а с 1953 года работала в палинологической группе Центральной лаборатории объединения «ГлавТюменьГеология» (Тюмень). После получения второго высшего образования в Ленинградском горном институте стала аспирантом заочного обучения СНИИГГиМСа (Новосибирск).

Лидия Васильевна Ровнина возглавляла палинологическую лабораторию в институте «Зап-СибНИГНИ» (Тюмень) с 1966 года. В 1967 году защитила кандидатскую, а в 1994-м – докторскую диссертацию. С 1968 года и по 2009 год работала в ИГиРГИ (Москва), сначала руководителем палинологической группы, затем заведующей сектором стратиграфии и палинологии. Сюда мы все и приходили к с Л.В. Ровниной со своими проблемами и вопросами. Она знала заботы и чаяния каждого. Всячески старалась обеспечить нас новой литературой, справочниками, поздравляла с праздниками, интересовалась нашей работой и радовалась нашим успехам. Добрая и отзывчивая, доброжелательная, она щедро делилась своими знаниями.

Лидия Васильевна была хорошим организатором и пытливым исследователем. Она опубликовала более 160 научных работ. У нее было много наград и почетных званий, – как и учеников, которые защитили под ее руководством диссертации. Она была не только крупным ученым, но и хорошей мамой и супругой не менее известного человека – Льва Ивановича Ровнина, с 1980-го по 1987 год министра геологии РСФСР. Однако я узнала об этом только после ее смерти, а многие не знают об этом и до сих пор.

В год ее смерти я разговаривала с ней по телефону в конце февраля. Она звонила мне из больницы и сказала массу хороших слов по случаю моего дня рождения. Я была очень тронута ее сердечностью. А через месяц Лидии Васильевны не стало... После известия о ее смерти долго щемило сердце, не хотелось верить в прилетевшую весть. Побывать на ее могиле долго не представлялось возможным, и лишь в сентябре 2014 года мы с Г.М. Братцевой навестили ее. Л.В. Ровнина похоронена на Котляковском кладбище Москвы, недалеко от центрального входа.

Е.Д. Заклинская и Л.В. Ровнина внесли значительный вклад в становление и развитие отечественной палинологии. Они смогли объединить палинологов всего бывшего Советского Союза в сплоченную группу не только единомышленников, но и друзей, как верно написала Я.К. Еловичева. Это было объединение без официоза, с теплой атмосферой общения. Каждый из нас, приезжая на конференции, чувствовал себя желанным и своим. Доброжелательность, гостеприимство, стремление всегда и во всем поддерживать своих коллег были их главными чертами.



Доктор геолого-минералогических наук,  
профессор Е.Д. Заклинская.



Доктор геолого-минералогических наук, профессор  
Л.В. Ровнина. ГИН, 2005 г.

Светлые воспоминания остались у меня от встреч и общения с Н.Р. Мейер-Меликян, В.С. Волковой, А.Ф. Хлоновой. Нонна Робертовна была специалистом в области электронной микроскопии и приобщила нас на конференциях и школах-семинарах к тонкостям данного направления в палинологии.

В.С. Волкова и А.Ф. Хлонова работали в ИНГГиГ СО РАН и посвятили свою жизнь изучению кайнозойских и меловых палинофлор Западной Сибири и Дальнего Востока. Они активно сотрудничали с палинологами Москвы, Ленинграда и Дальнего Востока. Охотно принимали нас на консультации и для обмена опытом, делились палинологической литературой. Светлая им память!

\*\*\*

...С первого приезда в Москву и по сегодняшний день неизменным для меня является визит в лабораторию палеофлористики Геологического института РАН, где до сих пор стоит старая массивная мебель, помнящая и Е.Д. Заклинскую, и В.А. Вахрамеева, и С.В. Мейена. Мне всегда приятно встречаться с сотрудниками лаборатории. Традиции гостеприимства, заложенные с конца 50-х годов, продолжают жить здесь и сегодня. Большая заслуга в этом тех, кто трудился раньше и трудится здесь сегодня (М.А. Ахметьев, Г.М. Братцева, О.П. Ярошенко, М.П. Долуденко, А.Б. Герман, Т.М. Кодрул, С.В. Наугольных и др.).

Михаил Алексеевич Ахметьев родился в Москве в 1935 году. Учиться начинал в сельской школе в Чувашии во время эвакуации. После возвращения в Москву продолжил учебу в школе-десятилетке № 662. Школьником увлекался рассказами о путешествиях, географией, геологией, историей.

Окончил геолого-разведочный факультет МГРИ, а затем аспирантуру при кафедре исторической геологии этого института и трехгодичные очные курсы английского языка. Одновременно слушал лекции и посещал практикумы по высшим растениям. Вместе со студентами сдал экзамены на биофаке МГУ по курсам «Систематика», «Морфология», «Анатомия растений», «География растений» и др.

В 1965 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Стратиграфия и флора неогена вулканогенных образований Восточного Сихотэ-Алиня», включавшую монографическое описание флор рек Ботчи и Демби.

В 1980 году М.А. Ахметьев защитил докторскую диссертацию, а в 2000 году за руководство многочисленными аспирантами и соискателями получил звание профессора. За весомый вклад в науку Михаилу Алексеевичу в 2014 году было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

К палеоботанике он обратился во время геолого-съёмочных и редакционно-издательских работ на Нижнем Амуре и в Северном Сихотэ-Алине (1958-1968), работая в экспедиции XX района Мингео СССР. В Нижнем Приамурье в 1963 – 1965 годах он проводил досъёмку и готовил к изданию два листа Госгеолкарты 1:200000: (Мариинский и Видановский с продолжением последнего на Сахалине).

Будучи начальником партии, которая осуществляла геологическую съёмку в бассейнах рек Самарги, Коппи и Ботчи (с 1960-го по 1962 год), собрал богатые коллекции растений палеогена и неогена. Обработывал их сам в БИНе, куда на несколько месяцев был прикомандирован из аспирантуры. Вот так палеоботаника и вошла в его жизнь.

На сегодняшний день М.А. Ахметьевым опубликовано более 180 научных работ, в том числе 10 монографий, посвященных стратиграфии и флоре кайнозойских отложений различных областей России и зарубежья. Он активно сотрудничает с зарубежными палеоботаниками, а результатом такого сотрудничества становятся научные работы о новых ископаемых растениях.

С 1954 года по 2008 год им было проведено более 50 полевых сезонов в разных регионах бывшего СССР и за рубежом: в Забайкалье, Восточных Саянах, Нижнем Приамурье, Северном Сихотэ-Алине, Южном Приморье, Зайсанской впадине, Крымско-Кавказском регионе, Южном Урале, Западной Сибири, в Исландии, Западной Африке (республика Кабо-Верде), в Китае.

Последние полевые сезоны 90-х и 2000-х прошли в пределах Амурской области (Райчихинское и Архара-Богучанское, Ерковецкое буроугольные месторождения, стратотип цагайской свиты «Белая Гора») и на правом берегу реки Амур в КНР. Плодотворное сотрудничество с китайскими учеными Цзилиньского стратиграфического центра, Нанкинского палеонтологического института и Шеньянского палеонтологического музея продолжается и сегодня.

Для М.А. Ахметьева геологические экспедиции составляли главную часть его жизни, каждое новое растение для него счастье! Мы со студентами к вечеру, бывало, валимся с ног, а он садится у костра и разбирает образцы. Но когда после ужина Михаил Алексеевич, да еще наш водитель Слава Дроздов начинали рассказывать разные житейские истории, у нас всякий сон пропадал, и над лагерем допоздна стоял дружный хохот.

Наверное, оптимизм и жизнелюбие помогали и помогают Михаилу Алексеевичу в работе и жизни до сегодняшнего дня. Он немного романтик и человек, тонко чувствующий природу. На мой вопрос, что ему запомнилось в полевых работах больше всего, он ответил: «У меня перед глазами до сих пор стоит фантастическая по красоте панорама бухты Чихачева в лучах заходящего сентябрьского солнца». Картина, видимо, и вправду была завораживающей, потому что молодой геолог и начальник партии полтора часа сидел на курумниках горы «Бабушка» и смотрел на закат. В этом районе названия бухт залива, рек, впадающих в него, островов, а также поселков то русские, то француз-

ские. Последние сохранились со времен Лаперуза, открывшего залив в 1787 году. Острова Буссоль и Астролябия, названные по имени его фрегатов, река Нелли, впадающая в залив в поселке (в честь молодой жены Лаперуза), поселок Де Кастри в честь морского министра Франции в правительстве Людовика XVI. Местные жители речку Нелли давно перекрестили в «Нельку», под этим названием она фигурирует и на топониме. В тех местах М.А. Ахметьев однажды впервые в жизни увидел «тройную» радугу и до сих пор не может забыть это зрелище.

В настоящее время М.А. Ахметьев – ученый с мировым именем – увлеченно изучает историю Москвы. Его ученики живут и работают не только в России, но и в разных странах мира. Сам М.А. Ахметьев до сих пор трудится в Геологическом институте РАН. Из-за перелома бедра ездит на работу на такси. На биофаке МГУ с 2002 года преподает студентам курс палеоботаники.

В нескольких музеях и институтах КНР висят его фотографии, а на территории Цзяньиньского природного парка установлена его скульптура.



Обед у обочины. Полевые работы 1998 года. Слева-направо: М.А. Ахметьев, Г. Симутина, М. Кезин (студенты), водитель В.В. Дроздов, Д.В. Клоков, С.Р. Манчестер (США).



М.А. Ахметьев в геопарке г. Цзяньинь (КНР), рядом со своей бронзовой двойником. Фото автора.

Грета Михайловна Братцева родилась в Москве, в семье военного инженера-строителя. Но раннее ее детство прошло в Благовещенске.

В 1950 году она окончила географический факультет МГПИ. Работала в лаборатории спорово-пыльцевого анализа МГУ, затем палинологом во ВНИГРИ. В 1954 году Г.М. Братцева переходит в палинологическую лабораторию ГИН АН СССР – сначала лаборантом, затем младшим и старшим научным сотрудником. В 1968 году под руководством Е.Д. Заклинской защитила кандидатскую диссертацию.

В основном Грета Михайловна изучала споры и пыльцу мезозойских и кайнозойских отложений для целей стратиграфии и палеофлористики. За годы трудовой деятельности участвовала в геологических экспедициях во многие районы Дальнего Востока, Монгольской Народной Республики. Была участником международной советско-китайской экспедиции по Амуру в конце 50-х. В задачи экспедиции входило изучение отложений в береговых обрывах реки Амур.

Позднее ею были исследованы верхнемеловые и палеогеновые отложения Райчихинского буругольного месторождения с монографическим изучением спор и пыльцы и публикацией качественного фотографического материала. Эти статьи и сейчас используются палинологами в определительской работе.

Г.М. Братцева внесла большой вклад в палинологическое изучение мезо-кайнозойских отложений Дальнего Востока. Она успешно сотрудничала с биостратиграфами и палеоботаниками по изучению кайнозойских отложений Сахалина и Камчатки, Сибири, Капской впадины и Исландии. Принимала участие в изучении керн глубоководных скважин, пробуренных в Атлантике научно-



исследовательским судном «Гломар-Челленджер». За годы работы Г.М. Братцевой опубликовано более 70 научных работ, включая 7 монографий.



Участники российско-китайской экспедиции на Амуре. Во втором ряду крайняя слева Г.М. Братцева.



Т.В. Кезина, Г.М. Братцева (ГИН), профессор Сун Ге (КНР), 2005 г. Фото автора.

Во время подготовки кандидатской, а затем докторской диссертации я часто обращалась к Грете Михайловне, так как она изучала споры и пыльцу Зейско-Буреинского бассейна. Первая моя встреча с ней состоялась на конференции в Красновидово, а в дальнейшем наши встречи происходили так часто, как только позволительно было дальневосточникам выезжать в командировки.

Поскольку Е.Д. Заклинская была очень занятым человеком, то для получения ее визы на письме-приглашении к конференции мы отправляли письма на Г.М. Братцеву и непременно получали положительный ответ. Она помогала Е.Д. Заклинской и Л.В. Ровниной в вопросах организации и проведения конференций, неоднократно сама была участником международных симпозиумов, где выступала с устными докладами.

В 1996 году Грета Михайловна вышла на пенсию. Но и сегодня она не утратила связи с коллегами по работе не только лаборатории, но и других организаций. Грета Михайловна Братцева остается человеком с разносторонними интересами и открытым к общению.

Ольга Павловна Ярошенко окончила географический факультет МГУ. В 1949-1954 годах работала в палинологической лаборатории Главсевморпути. В 1955 году организовала палинологическую лабораторию на геологическом факультете МГУ, которой заведовала до 1959 года, а затем была приглашена В.А. Вахрамеевым в аспирантуру лаборатории палеофлористики ГИН АН СССР и в скором времени защитила кандидатскую диссертацию. Она продолжает трудиться до настоящего времени.

Научный интерес О.П. Ярошенко в основном связан с проблемой палинологического обоснования и ярусного деления позднепермских, триасовых, юрских и нижнемеловых отложений России. Ею проведено монографическое описание миоспор из триаса Западного Кавказа и нижнего триаса Печорской синеклизы, изучены микроспоры из спорангиев плауновидных растений нижнего триаса Московской синеклизы и Кузбасса.

Работая в составе советско-сирийской экспедиции АН СССР (Дамаск, 1977 – 1979) по линии Государственного комитета по внешним экономическим связям, она по палинологическим данным провела важнейшую работу по стратиграфическому расчленению нефтегазоносных отложений перми и триаса, вскрытых скважинами в Месопотамии и Алеппского плато. Организовала в Дамаске палинологическую лабораторию и подготовила специалиста-палинолога.

Ольга Павловна остается ведущим специалистом-палинологом по стратиграфии мезозойских отложений, и к ней часто обращаются за консультациями. Она является автором более 80 научных публикаций, в том числе 4 монографий.

А еще Ольга Павловна – очаровательная и добрая женщина. Она казалась мне очень строгой и неприступной, но мое мнение в корне изменилось при подготовке к защите моей кандидатской диссертации в мае 1992 года.



Кандидат геолого-минералогических наук О.П. Ярошенко в конце 80-х.



О.П.Ярошенко с коллегами палинологами, 2011 г.

Как и все диссертанты, я с содроганием сердца приехала в ГИН. За час до защиты выяснила, что не хватает одного плаката, как мне казалось, очень важного в моем докладе. Позвонила своим родственникам, договорилась, чтобы они привезли его на станцию метро «Третьяковская». Бегу туда – никого. До защиты остается 30 минут, я возвращаюсь обратно чуть не плача. И вдруг Ольга Павловна строго, хорошо поставленным голосом говорит мне: «Таня, идите в зал и готовьтесь к защите, а я пойду к метро и принесу плакат». Для меня это была такая поддержка!

Защита началась все-таки без плаката. Плакат привезли с опозданием, и на стенд он не попал, но Ольга Павловна с плакатом была в зале, и это придавало мне уверенности. Я поняла, что на самом деле она очень хороший и добрый человек, всегда готовый прийти на помощь. В последующие годы я могла убедиться в этом еще ни один раз.

Майя Прокофьевна Долуденко – доктор геолого-минералогических наук, палеоботаник с большим опытом. Длительное время она была ученым секретарем докторского диссертационного совета при ГИНе. Именно в тот период я защищала кандидатскую диссертацию и при ее непосредственной помощи готовила документы после защиты. Те, кто проходил подобную процедуру, поймут меня, – насколько важна в таком деле человечность, педантичность и профессионализм ученого секретаря. Всеми этими качествами обладала Майя Прокофьевна. Все ее подопечные благодаря ей справлялись с документами достаточно быстро.

Научные интересы М.П. Долуденко связаны с юрскими флорами Земли. Сперва она изучала споры растений, позже стала изучать макроостатки юрских и раннемеловых флор. Сама выезжала в экспедиции в различные районы Европы и Азии, чтобы отобрать пробы – в Грузию, Дагестан, на Северный Кавказ, в Южный Казахстан (Каратау), Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, в Англию (Йоркшир), в Польшу. В настоящее время М.В. Долуденко по-прежнему в строю, продолжает помогать молодым ученым и сама ведет научную работу.

Клара Александровна Печникова – по статусу старший лаборант, правая рука М.А. Ахметьева, а по сути – ангел-хранитель лаборатории палеофлористики. Она, как правило, первая, кто вас встречает, и ответит на ваши вопросы, и скажет, кого и когда можно найти в лаборатории, и, конечно же, напоит чаем. На окне их кабинета стоит удивительный цветок – цикламен, с крупными белыми

цветами. Его подарили еще В.А. Вахрамееву, и с тех пор он ежегодно бурно цветет, выпуская до полусотни бутонов, благодаря заботливым Кларочкиным рукам.

С начала 90-х годов состав лаборатории палеофлористики существенно изменился, пришедшие молодые ученые к настоящему времени защитили докторские (С.В. Наугольных, А.Б. Герман) и кандидатские (Н.И. Запорожец, Г.Н. Александрова, Т.М. Кодрул, Н.И. Костина., М.Г. Моисеева.) диссертации.



Зав. лабораторией, профессор А.Б. Герман выступает с докладом на конференции в ГИНе.



Доктор геолого-минералогических наук, профессор С.В. Наугольных и палинолог Н.Ю. Филиппова, 2005 г.

В настоящее время сотрудники лаборатории палеофлористики участвуют во многих проектах и вносят существенный вклад в изучение стратиграфии разновозрастных отложений и флор Земли, продолжают начатые традиции и помогают в подготовке кадров палинологов и палеоботаников для научно-исследовательских институтов России, ближнего и дальнего зарубежья. Случайные люди там не задерживаются. А те, кто работает долгие годы, – это люди, преданные своему делу и увлеченные своей профессией.